

Размышления
историка
на полях
«Дневников
императора
Николая II»,
впервые
опубликованных
в полном объеме

Николай и Александра

*И всюду страсти роковые,
И от судеб защиты нет.*

А.С. Пушкин

Большую часть своей научной карьеры я занимался изучением петербургского, или императорского, периода истории государства Российского. И, каюсь, всегда воспринимал царя как исключительно малосимпатичную и примитивную историческую фигуру. Капитальное издание «Дневников императора Николая II»¹, недавно вышедшее в свет, меня, без преувеличения, поразило... В течение нескольких месяцев, с перьевой ручкой в руках, я штудировал

этот удивительный и объемный — 2709 страниц! — трехтомник. Издатели совершили настоящий научный подвиг. Они опубликовали и прокомментировали дневниковые записи императора, снабдив их отменным, не имеющим аналогов научным справочным аппаратом. Он позволяет понять мельчайшие нюансы событий вековой давности — от этикета и придворных чинов до охотничьих терминов, от списка прочитанных Николаем II книг до перечня спек-

Безоглядная любовь на обломках империи

таклей, которые он посетил. Перевернув последнюю страницу, могу честно признаться: я радикально изменил свое отношение к Николаю II. Не буду утверждать, что я его полюбил, нет, но последний русский царь предстал предо мной как персонаж трагедии античного Рока, и я ощутил сострадание к Николаю Александровичу Романову.

ТЕКСТ **Семен ЭКШТУТ,**
доктор философских наук

ЦАРСКОСЕЛЬСКИЙ ПАРК ДЛЯ ДВОИХ

«19-ГО ИЮНЯ 1897 ГОДА. Четверг. Стоял тёплый день. С утра ещё до докладов ко мне лезли и приставали, сокращая и без того ограниченное время для прогулки».

«16-ГО АВГУСТА 1897 ГОДА. Суббота. Были обычные два доклада. Принимали во Дворце делегатов от двух конгрессов — геологического и статистического. И развелось же их, что нерезанных собак!».

«19-ГО ЯНВАРЯ 1898 ГОДА. Понедельник. Хороший солнечный день с санным путем. До докладов был граф Шереметьев, который отнял у меня прогулку».

Работа в ущерб прогулкам... Подобный ход мысли был в принципе невозможен для любого из предшественников Николая II. Но сызмальства убежденный в божественном происхождении своей самодержавной власти, Николай Александрович никогда не стремился к популярности. И не считал нужным прилагать хоть какие-нибудь усилия, чтобы создать этой власти привлекательный образ. Вспомним один из канонических портретов Александра I Благословенного. Победитель Наполеона и освободитель Европы запечатлен опирающимся на толстый том, на корешке которого крупными буквами написано «Закон». Царь царей изображен в образе галантного кавалера в генеральском мундире — с любезной улыбкой на устах. Александр Павлович знал, как следует себя вести, чтобы одной удачно сказанной фразой вызвать восторг подданных.

А Николай даже не задумывался, что его регулярные прогулки с обожаемой супругой подчиненные могут истолковать превратно. Каждый час с ненаглядной Аликс был у него на счету. Потому и всякий незапланированный высокородный визитер, которому нельзя было отказать в приеме, вызывал досаду императора. Ведь супруги так любили эти совместные прогулки по большому Царскосельскому парку. Здесь, в Александровском дворце, они провели свой медовый месяц; здесь у них были излюбленные, только им ведомые уголки. В одном они собирали первые весенние цветы:

«Гуляли, собрали букет ландышей из знакомого нам только места и катались в лодке».

В другом — любовались весенними березами:

«Аромат от распускающихся берёз поразительный».

В третьем — наслаждались благоуханием сирени:

«Амбрэ стояло удивительное от распускающейся сирени!»...

- Одна из последних семейных фотографий. Стоят слева направо: цесаревич Николай Александрович, великий князь Георгий Александрович, великая княжна Ольга Александровна, великая княжна Ксения Александровна. Сидят: императрица Мария Федоровна и император Александр III. Впереди великий князь Михаил Александрович. Крым. 1893.

«НУ ПОЛКОВНИЧЕК, И БОЛЬШЕ НИЧЕГО...»

Во время Великого поста министерских докладов не было, и царь от всей души радовался своей свободе, уподобляясь гимназисту, который веселится, когда прекращаются занятия и наступают каникулы. А возвращение привычной череды докладов навевало на него грусть и тоску. Мысли о том, что у императора — ненормированный рабочий день, что ни он сам, ни императрица не имеют права на частную жизнь, как не может быть частным делом семьи Романовых образ монарха и образ жизни его семьи, — эти очевидные истины не были усвоены Николаем Александровичем. «Ну полковничек, и больше ничего»², — как язвительно констатировала одна великосветская дама.

Чиновник ходит в присутствии по присутственным дням и в присутственное время, полковник служит лишь в урочные часы, а император — фигура круглосуточная. Управление громадной империей не может иметь разрывов во времени. Не приняв это за аксиомы своей системы ценностей, очень трудно быть императором...

При этом Николай II никоим образом не был ни ленивцем, ни сибаритом. Ему не было свойственно желание манкировать своими обязанностями, он никогда не занимался делами спустя рукава и всегда считал нужным вникать во все детали. Недовольство

● Лауритс Туксен.
Бракосочетание
Николая II и
великой княгини
Александры
Федоровны.
Фрагмент.

императора проистекало из настойчивого нежелания жертвовать своей частной жизнью ради утомительных придворных церемоний. И то сказать: на Пасху, 13 апреля 1897 года, например, во время христосования Николаю II пришлось облобызать 570 человек, в то время как императрица Александра Федоровна, сидя в кресле, раздавала пасхальные яйца, а на следующий день «началось большое военное христосование — всего с начальством 909 человек». Тяжело, однообразно, нудно...

То, что царственной чете были в тягость бесконечные дворцовые процедуры, не являлось секретом для придворных. Они нередко с неудовольствием замечали, что Николай и Александра спешат покинуть церемонию. А супруги даже не подозревали, что «жадной толпой стоящие у трона» навсегда запомнят это невнимание и никогда его не простят.

А вот вдовствующая императрица Мария Федоровна держала себя иначе: она демонстрировала и сыну, и невестке, как должно себя вести царствующим особам. Мария Федоровна не воспринимала придворные церемонии исключительно как утомительную доуку, ибо они были неотъемлемой частью ее жизни. Придворные нередко с неудовольствием замечали, что Николай и Александра спешат покинуть церемонию, в то время как Мария Федоровна демонстративно в течение нескольких часов с неиссякаемой любезностью и с не сходящей с ее лица пленительной улыбкой продолжала расточать знаки монаршей заинтересованности в делах верноподданных. Но этот урок не был усвоен ни Николаем, ни Александрой.

Меж тем высший петербургский свет уже вынес свой суровый и не подлежащий обжалованию приговор Александре Федоровне: «Это гордячка, никого знать не хочет: куда ей до Марии Федоровны!...»³

«ЗАВТРАКАЛИ ОДНИ...»

А какие были ожидания от этой блестящей пары! 14 ноября 1894 года, в день бракосочетания монаршей четы, в дневнике петербургского сановника Александра Александровича Половцова появилась выразительная запись: «Императрица Александра Федоровна ослепила всех своей красотой, достоинством, вниманием, приветливостью. Восторг, очарование, надежды всеобщие. Дай Бог, чтобы неизбалованное исторической судьбой Отечество нашло в личности ее залог гражданского успеха, мирного счастья»⁴. У 22-летней Александры Федоровны были все шансы завоевать любовь подданных, приложи она к этому хоть малейшие усилия. Увы...

Николай и Александра находились в плену иллюзии, что сан самодержца сам по себе предполагает безграничную любовь подданных. И помазанникам Божиим нет нужды расточать свои милости. Как же они ошибались! Им и в голову не могло прийти, что фотографической карточкой с портретом царя и его автографом царедворцы дорожили больше, чем дорогим подарком из Кабинета императора; что любезное приглашение к столу всегда расценивалось как проявление августейшей милости. Но император Николай продолжал вести себя как обычный корректный начальник («Ну полковничек, и больше ничего»): в урочное время принял подчиненного, выслушал доклад, отпустил.

«12-ГО МАЯ 1895 ГОДА. Пятница. Душный день. Утром приезжал Победоносцев и задержал нас от прогулки. После докладов был небольшой прием. Завтракали одни».

Вдумаемся в короткую дневниковую запись. В Царское Село приезжает из Санкт-Петербурга Константин Петрович Победоносцев, обер-прокурор Святейшего Синода и ближайший советник императоров Александра III и Николая II. Однако крупнейшего столичного сановника и в прошлом известного профессора-юриста (в свое время он преподавал им, отцу и сыну, законоведение) не приглашают разделить завтрак вместе с монаршей четой. Николай Александрович сожалеет лишь о том, что визит Победоносцева сократил его прогулку по Царскосельскому парку, и не дает себе труда задуматься над тем, что пожилой человек, имевший очень высокий чин действительного тайного советника (II класс Табели о рангах), мог рассчитывать на элементарное человеческое участие со стороны бывшего ученика. Не удостоились получить приглашение к столу ни прибывшие с докладами министры, ни дежурившие в этот день генерал- и флигель-адъютанты...

Николай и Александра так сильно любили друг друга, что не желали уступать кому-либо даже минуты, которую могли провести вдвоем. Да, это удручающее непонимание законов жизни императорского двора, да, вопиющая бестактность. Но если бы это было только их семейной проблемой...

Летом 1894 года, когда цесаревич Николай Александрович и принцесса Алиса Гессенская были еще женихом и невестой, Аликс сделала в дневнике своего дорогого Ники такую запись по-немецки: «Есть нечто чудесное в любви двух душ, которые воедино сливаются и которые не единой мысли друг от друга не таят; радость и страдания, счастье и нужду переживают они вместе, и от первого поцелуя до последнего вздоха они о любви лишь поют друг другу». Запись оказалась пророческой. Николай и Александра сумели пронести свою любовь от первого поцелуя до последнего вздоха. В этом и заключался бессердечный Рок: их личное счастье стало несчастьем для страны.

ИМПЕРАТРИЦА БЕЗ СОПЕРНИЦ

Наследник российского престола встретился с принцессой Алисой, внучкой самой королевы Великобритании, когда девочке было 12 лет. «Я сидел с маленькой двенадцатилетней Аликс, которая мне ужасно понравилась...» Казалось, можно лишь радоваться, что цесаревич влюбился в девочку, которая принадлежала к владетельному дому. Но долгое время Александр III и Мария Федоровна делали все, чтобы этот брак не состоялся. Почему? Они боялись, что Аликс Гессенская может передать будущему наследнику престола гемофилию — наследственную болезнь, которая поражает мужчин, но передается по женской линии.

И все же в конце концов родителям Ники пришлось уступить. Выяснилось, что отличавшийся богатырским здоровьем Александр III смертельно болен и, значит, цесаревичу очень скоро предстоит взвалить на плечи тяжелейший груз ответственности. Нужна женщина, которая способна этот груз с ним разделить. И таковой могла быть только Аликс.

Правда, оставалась, казалось, неустраняемая препона: нежелание Алисы перейти в православие. Первая серьезная проверка их любви...

«5-ГО АПРЕЛЯ 1894 ГОДА. Вторник. Боже! Что сегодня за день!.. Нас оставили вдвоем и тогда начался между нами тот разговор, которого я давно сильно желал и вместе очень боялся. Говорили до 12 часов, но безуспешно, она все противится перемене религии. Она, бедная, много плакала».

● В гостях у английской королевы. Стоят слева направо: Николай II, принц Уэльский Альберт Эдуард (будущий король Эдуард VII). Сидят слева направо: императрица Александра Федоровна с дочерью Ольгой на руках, королева Виктория.

Судьба династического брака висела на волоске. Но после нескольких дней мучительных раздумий принцесса дала согласие принять православие. День, когда это произошло, подчеркнут в дневнике цесаревича тремя чертами:

«8-ГО АПРЕЛЯ 1894 ГОДА. Пятница.

Чудный, незабвенный день в моей жизни — день моей помолвки с дорогой ненаглядной моей Аликс».

Существует множество выдуманных и невыдуманных историй о том, как страстная любовь заканчивалась гибелью возлюбленных. Но все они меркнут на фоне истории Ники и Аликс. И это не притянутая фигура речи: не будь этой безмерной любви, могло не случиться ни революции, ни Смуты.

А ведь им было на кого равняться, чтобы избежать роковых ошибок. Семейную жизнь родителей Ники, Александра III и Марии Федоровны, уж никак нельзя было назвать безупречной: у супруги любовник, да какой — флигель-адъютант Владимир Алексеевич Шереметев, командир конвоя Его Императорского Величества, иными словами, начальник личной охраны императора. Однако все участники данного романтического трио вели себя столь тактично, что сумели сохранить любовную интригу в тайне.

До нас не донеслось ни слухов, ни сплетен. И Александр III, и Мария Федоровна были наделены каким-то врожденным внутренним тактом, в коем природа отказала Николаю и Александре.

И хотя Александр III большую часть своего царствования провел в Гатчине, за что и был прозван «Гатчинским пленником», хотя он значительно сократил число чинов государственной свиты, его изолированность от высшего света не шла ни в какое сравнение с изолированностью Николая II, которому плохо удавалось даже чисто внешнее сближение с верхушкой столичной аристократии. Кавалергард граф Алексей Алексеевич Игнатьев, наблюдая за последним русским царем во время большого бала в Зимнем дворце, сделал психологически тонкое замечание: «Николай II чувствовал себя не хозяином, а скорее гостем, отбывающим по традиции какую-то повинность».

Но зато все годы своего царствования он не переставал обожать супругу. При этом Николай Александрович всегда обращал внимание на красавиц — будь то юные провинциальные монахини или великосветские львицы. Если бы этот интерес проявлялся не только на страницах дневника, жизнь придворных приобрела бы наконец смысл: есть что обсуждать, о чем злословить, с кем и против кого интриговать. Можно выражать сочувствие императрице или шептаться у нее за спиной, можно сплетничать по поводу новой фаворитки, можно попытаться провести в царские любимицы свою кreature. Придворная жизнь — школа злословия и ярмарка тщеславия — обрела бы вождя, как сказали бы сейчас, «движуху», которой так не хватало все годы правления Николая II.

Но в его сердце у императрицы не было соперниц.

ВИНОВАТЫЕ ВОРОНЫ

Александра Федоровна была человеком замкнутым и застенчивым. Каждодневная суэта двора, дворцовый протокол и хитросплетение интриг — все это было ей органически чуждо. У императрицы не было ни друзей в придворной среде, ни желания с этой средой общаться. В дни официальных приемов она лишь исполняла свою обязанность первой дамы империи и спешила вернуться к семье. Августейшая чета месяцами жила не в Санкт-Петербурге, а в Царском Селе, Петергофе или Ливадии, где фактически не было связи с внешним миром. Очень точный анализ сложившейся ситуации дал великий князь Александр Михайлович: «Молодая императрица делала ошибки, незначительные сами по себе, но равносильные страшным преступлениям в глазах петербургского высшего света. Это замучило ее и создало известную натянутость в ее обращении с окружающими»⁵.

Разлад императрицы с высшим обществом с каждым годом усиливался — по мере того как Александра Федоровна никак не могла разрешиться от бремени наследником престола и одну за другой рожала дочерей. Николай II внешне оставался совершенно невозмутимым и никак не показывал обуревавшие его чувства. Отрицательные эмоции выплескивались на ворон Царскосельского парка, раздражавших царя своим карканьем.

«4-ГО МАЯ 1897 ГОДА. Воскресенье. Гулял два часа; сегодня удалось дойти до 50 убитых в парке ворон — из монтекристо исключительно».

По поводу несчастных ворон уже в недавние времена было опубликовано множество язвительных комментариев. При том, что Николай Александрович был действительно отменным охотником. Представителю движения «зеленых» лучше не читать записи в его дневнике:

• Император метко стрелял не только по воронам.

«29-ГО АВГУСТА 1900 ГОДА. Вторник. В последний раз выехали на охоту в Беловеже. День стоял чудный, тихий и тёплый. Успели взять, как было сказано в программе, все 7 загонов и завтракали в лесу. ... Интересен общий итог за 12 дней охоты: убито 680, а с подобранными после облав 704 штуки. Из этого мною убито 48: 6 зубров, 1 лось, 27 козлов, 3 даниельки, 4 кабана и 7 лисиц.

1-ГО СЕНТЯБРЯ. Пятница. Замечательно повезло, удалось убить 6 оленей и кабана, все из нашей чудной 3-х линейной винтовки. Вернулся домой в самом лучшем настроении.

8-ГО СЕНТЯБРЯ. Пятница. Удивительно удачный для меня день в смысле охоты. Поехал в 5 часов на оленей с подъезда. Убил четырёх. ... в 3 1/2 поехал с Аликс на пюрш и убил ещё четырёх оленей. Всего сегодня восемь».

Отрицательные эмоции выплескивались на ворон Царскосельского парка, раздражавших царя своим карканьем.

Но ворон-то зачем?..

Объяснение простое и психологически очень понятное: он расстреливал их, когда сдавали нервы и хотелось просто выпустить пар. Массовым истреблением пернатых сопровождалась каждая беременность императрицы. (Запись о 50 убитых в парке воронах сделана за три с половиной недели до рождения великой княжны Татьяны. Монтекристо — это малокалиберное патронное ружье, заряжающееся с казенной части.

Об истории создания легендарной винтовки-трехлинейки Сергея Мосина на стр. 27

Мечта любого подростка того времени.) Впрочем, доставалось не только воронам. Однажды царь убил кукушку, как-то раз — большого черного дятла, а уж о перебежавших ему дорогу черных кошках и говорить нечего.

После появления на свет четвертой великой княжны даже королева Виктория не захотела скрыть своего разочарования и написала об этом внучке. Российская империя стояла на пороге династического кризиса, с легитимным преемником Николая II возникли непреодолимые проблемы. Они не исчезли и после рождения долгожданного наследника Алексея Николаевича: цесаревич унаследовал-таки гемофилию. Малейшее кровотечение могло оказаться для него смертельным.

Что это, если не Рок, висевший над Домом Романовых...

Николай и Александра прекрасно осознавали не только драматизм сложившейся патовой ситуации, но и свою личную ответственность перед страной и династией. Смятение из-за долгого отсутствия наследника, тревога за здоровье долгожданного сына (супруги называли его своим маленьким «сокровищем») — все это переплеталось в их сознании с беспокойством за возможность возникновения в Доме Романовых династического кризиса, а значит, и питательной среды для новой Смуты...

Они самозабвенно любили друг друга, всецело отдаваясь чувству и без остатка растворяясь в нем. Они смотрели на мир — столь несовершенный и грешный — сквозь призму своей неземной любви ... и подобная оптика

Они смотрели на мир — столь несовершенный и грешный — сквозь призму своей неземной любви ... и подобная оптика сильно искажала реальность, мешая ориентироваться во времени и пространстве.

• Типичная карикатура тех дней: император пляшет под дудку Распутина.

сильно искажала реальность, мешая ориентироваться во времени и пространстве. Именно потеря ориентировки стала для этой любящей пары самым настоящим Роком: он увлек за собой не только царственную пару, но и их империю.

На фоне жесточайшего внутреннего раздора монаршей четы и появился на исторической сцене Григорий Распутин.

РАСПУТИН

Болезнь наследника была важнейшей государственной тайной. Традиционная медицина оказалась бессильна. И тогда родители стали хвататься буквально за все: любой, кто мог, как им казалось, помочь маленькому «сокровищу», оказывался желанным гостем в интимных покоях, куда годами не было доступа главным сановникам империи. Надо ли объяснять, как воспринималось это ревнивыми царедворцами...

Из зубодробительных отзывов современников о «старце» Григории Ефимовиче Распутине можно составить обширную антологию. Николай и Александра сделали все, чтобы и светское общество, и высшая столичная бюрократия дружно возненавидели этого, как его называл царь, «человека Божия». Внимательно прочитаем только одну дневниковую запись Николая II:

«29-ГО МАРТА 1909 ГОДА. Светлое Христово Воскресенье. Обедня окончилась без 5 мин. два; простояли её легко. Разговаривались с нашими дамами. Легли в 3 1/2. Проснулись в 9 3/4. Отвечал на телеграммы. В 11 1/2 началось христосование со всеми людьми — 770 чел. ... После чая наверху в детской посидели с Григорием, который неожиданно приехал».

Итак, ни один из 770 сановников, пришедших поздравить царя, не удостоился чести быть приглашенным в интимные покои Николая и Александры, а вот неожиданно появившийся «старец» провел в этих покоях весь вечер.

Какой повод для злословия и мотив для ненависти!

Перелистаем страницы дневника за 1909 год:

«5-ГО АВГУСТА. Среда. Видели Григория».

«8-ГО АВГУСТА. Суббота. После обеда долго посидели с Григорием».

«13-ГО АВГУСТА. Четверг. Вечером имели удовольствие видеть Григория».

«15-ГО АВГУСТА. Суббота. Вечером долго беседовали с Григорием».

«17-ГО АВГУСТА. Понедельник. Вечером снова имел утешение видеть Григория».

Все эти дни царь принимал доклады министров, никого не пригласив к обеду или ужину, никого не одарив теплым словом в дневнике. Даже самым благонамеренным сановникам такое поведение казалось вызывающим. Знали ли Николай и Александра об этих настроениях? Да, знали. Митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Антоний, испросив высочайшей аудиенции, попытался поговорить с царем о Распутине. Митрополит был первенствующим членом Святейшего Синода и членом Государственного совета. От слов особы такого ранга нельзя было просто отмахнуться. Но Николай всего лишь сухо заметил владыке, что его, императора, взаимоотношения с Распутиным есть дело семейное, которое никоим образом не касается митрополита. Тем не менее Антоний имел мужество возразить, что «старец» много времени проводит

с наследником — будущим повелителем Российской империи. А когда Николай вновь попытался одернуть владыку, тот, волнуясь, ответил: «Слушаю, государь, но да позволено будет мне думать, что русский царь должен жить в хрустальном дворце, доступном взорам его подданных»⁶.

О Григории Ефимовиче Распутине существует обширная литература. Я не собираюсь ни обличать «старца», ни его оправдывать. Для меня значимо иное: Николай и Александра были убеждены в своем праве на частную жизнь, их подданные думали по-другому. Близость неграмотного мужика к царской семье казалась им противоестественной. И порождала самые фантастические слухи и грязные инсинуации. Все столичные скандалы перемывались в провинциальных закоулках. Молва утверждала, что императрица находится в интимных отношениях с Распутиным. А пресса, несмотря на прямое запрещение писать о Распутине, сознательно шла на конфликт с властью: слухи о «человеке Божием» с жадностью перепечатывались в провинциальных газетах и поднимали тиражи. Увы, Николай и Александра не понимали ни этого нового мира, ни новой информационной реальности.

Ни об одной из русских императриц не ходили такие грязные сплетни, как об Александре Федоровне, хотя именно она своей добродетельной семейной жизнью меньше всего их заслуживала.

В годы Большого террора Михаил Сергеевич Рошаковский, офицер флота и дипломат, принадлежавший к ближайшему окружению Николая II, на вопрос лагерного собеседника Льва Эммануиловича Разгона о царице возмущенно ответил: «Ну, сударь мой, — что же вы вслед за этими, за репортерщиками будете гадости про нее говорить? Что она, с Распутиным, что ли, спала? Государыня была глубоко несчастной женщиной... Понимаете, рождаются одни девочки, одни девочки... Престол русский уходит из семьи, впервые прерывается прямое престолонаследование, считает себя в этом виноватой... И истеричка при этом бегает по монастырям, бьет поклоны, выпрашивает у Бога наследника... А когда рождается наследник, выясняется, что он вроде и не жилец! Она не только Распутину, черту с рогами могла душу заложить, чтобы спасти сына!.. Вот так, батенька»⁷.

«МОЯ ЛЮБИМАЯ ПТИЧКА»

Конечно, Николай и Александра могли бы царствовать очень долго. Разлад с высшим обществом и падение престижа царской власти сами по себе не могли привести к гибели монархии. Но вмешалась Первая мировая война, на которой царская семья вела себя очень достойно. Николай II почти не бывал в столице: либо ездил по фронтам, либо руководил войсками из Ставки; его императорский поезд исколесил примерно 100 тысяч верст. На личные средства Николая и Александры был организован великолепно оборудованный санитарный эшелон, доставлявший раненых с фронта для лечения в тыловых госпиталях и лазаретах. Уже 6 ноября 1914 года Александра Федоровна и две ее старшие дочери Ольга и Татьяна успешно выдержали экзамен, получили свидетельства на звание сестры милосердия и в этом качестве стали работать в Дворцовом лазарете на Госпитальной улице Царского Села. Сестрами милосердия стали и обе сестры императора — Ксения и Ольга, на собственные средства устроившие фронтальной лазарет...

Именно из-за постоянного отсутствия императора в Петербурге Александра Федоровна, которую нежный супруг

Все дети царской четы

Ольга

Татьяна

в письмах называл «моей любимой Птичкой», и стала восприниматься как олицетворение верховной власти: к ней в спорных ситуациях начали адресоваться руководители гражданских министерств и ведомств. Влияние императрицы на ход государственных дел заметно возросло. И это тоже рождало активное осуждение — в том числе и со стороны членов Дома Романовых. Ведь со времен императора Павла I вторжение супруги царствующего императора в сферу государственного управления было скорее редчайшим исключением, чем правилом: державные прерогативы императрицы ограничивались сферой женских воспитательных учреждений и благотворительности.

Однако даже такого опыта у Александры Федоровны не было.

Женщина, долгие годы ведущая исключительно семейный, уединенный образ жизни, не имевшая никакого кругозора, выходящего за пределы семьи, была поставлена перед необходимостью принятия решений, от которых зависели судьбы империи.

Сама того не понимая, императрица оказалась игрушкой в руках придворных группировок, о существовании которых даже не подозревала. Решения императрицы были продиктованы эмоциями и иными быть не могли. В пресловутой «министерской чехарде» последних лет царствования Николая молва не без

• Николай II в форме капитана I ранга и императрица Александра Федоровна на борту придворной яхты «Штандарт».

основания винила императрицу, зачастую действовавшую под воздействием «старца» Распутина. А Николай II, привыкший всегда и во всем доверять жене, не имел достаточной силы воли, чтобы вмешаться. Лишь 9 сентября 1916 года царь в исключительно деликатной форме попытался указать Александре Федоровне на неуместность ее обращений: «Идеи нашего Друга о людях иногда бывают сомнительными, как ты знаешь, — так что мы должны быть осторожны особенно при назначении на высокие должности. ...Это все должно быть тщательно обдумано! Все эти перемены очень мучительны для головы. Я считаю, что они происходят слишком часто. Это, несомненно, нехорошо для внутреннего положения страны, потому что каждый новый человек вносит изменения в управление».

Но было уже слишком поздно. 1 ноября 1916 года великий князь Николай Михайлович, сознательно взявший на себя роль глашатая великокняжеской оппозиции, направил царю исключительно резкое письмо: «Неоднократно ты мне сказывал, что тебе некому верить, что тебя обманывают. Если это так, то же явление должно повторяться и с твоей супругой, горячо тебя любящей, но заблуждающейся, благодаря злостному, сплошному обману окружающей ее среды. Ты веришь Александре Федоровне... Но что исходит из ее уст — есть результат ловкой подтасовки, а не действительной правды. Если ты не властен отстранить от нее это влияние, то, по крайней мере, огради себя от постоянных систематических вмешательств этих нашептываний через любимую свою супругу...»⁸. (Замечу в скобках, что убийство Распутина великий князь назвал «полумерой», полагая, что «надо обязательно покончить и с Александрой Фёдоровной»). После изобличения убийц Распутина великий князь в последний день уходящего 1916 года еще более резко отозвался о государыне: «Александра Фёдоровна торжествует, но надолго ли, стерва, удержит власть?!»⁹)

Царь показал это письмо императрице. Александра Федоровна была в бешенстве и потребовала от мужа наказать

Мария

Анастасия

Алексей

• Александра Федоровна с детьми на борту яхты «Штандарт».

фрондёра. Великий князь Николай Михайлович, имевший косвенное отношение к убийству Распутина, попался ссылкой в свое имение, из которой вернулся накануне Февральской революции.

РОКОВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ

Вмешательство императрицы в государственные дела — «женщина на корабле» — имело катастрофические последствия. Уже к концу 1916 года ни для кого не было секретом, что в стране назревает кризис власти. 8 февраля 1917 года по личному распоряжению Николая II Петроградский военный округ был выделен из Северного фронта, а недавно назначенный командующий округом генерал-лейтенант Сергей Семенович Хабалов получил широкие полномочия.

В экстремальной ситуации было трудно придумать более нелепое назначение.

Столичный гарнизон состоял из почти двухсот тысяч недавно призванных и необученных солдат, ожидавших отправления на фронт. С этой плохо управляемой массой надо было уметь совладать. Но генерал фактически не имел опыта строевой службы, кроме цензового годичного командования ротой после окончания Николаевской академии Генерального штаба и четырехмесячного командования батальоном. Генерал-лейтенант Хабалов имел репутацию опытного администратора, но солдат не знал, реального боевого опыта не имел и занимаемой должности не соответствовал.

Первоначально на ключевой пост командующего столичным военным округом предполагалось назначить генерал-майора Константина Николаевича Хагондокова (Хагундокова), активного участника Русско-японской и Первой мировой войн, Георгиевского кавалера, имевшего опыт подавления восстания в Маньчжурии. Однако именно Александра Федоровна, прослышав, что генерал нелюбезно отозвался о Распутине, заявила, что «лицо у него очень хитрое». Назначение, которое могло спасти империю, так и не состоялось. Когда в Петрограде начались волнения, переросшие в Февральскую революцию, генерал Хабалов проявил бездействие власти и не смог справиться с ситуацией.

КРОВЬ НА СТУПЕНЯХ ТРОНА

В феврале 1917 года в Петрограде внезапно распространились слухи о грядущем ограничении суточного отпуска хлеба: взрослым — по одному фунту, малолетним — по полфунта. В столице началась ажиотажная скупка, части населения хлеба не хватило. Слухи были абсолютно беспочвенными. Никто не собирался вводить никаких ограничений: городские склады были с избытком снабжены продуктами. Но 23 февраля на почве спровоцированных слухов в столице вспыхнула забастовка, сопровождавшаяся уличными беспорядками.

В первый день бастовали около 90 тысяч рабочих, во второй их число возросло до 160 тысяч, а 25-го бастовали почти 200 тысяч. Толпа начала избивать полицейских. Войска отказались применять оружие и начали переходить на сторону восставших. При этом часть офицеров была перебита. Уже 27 февраля военный министр стал опасаться «движения революционной толпы из Петрограда на Царское Село». Императрица приняла решение покинуть Царское Село и вместе с детьми поехать навстречу государю, который находился в Ставке в Могилеве. Этот поспешный отъезд из резиденции мог бы спасти монархию.

Но снова вмешался Рок.

В это время четверо детей Александры Федоровны болели корью: высокая температура и сильный кашель. Когда об этом доложили царю, Николай сказал: «Ни в коем случае... Больных детей возить поездом... ни за что...» Николай II принял решение покинуть Ставку и как можно скорее ехать в Царское Село.

Дальнейшее хорошо известно. Поезд оказался заблокирован: Николай II не мог ни вернуться в Ставку к верным войскам, ни проехать в столицу и попытаться водворить там порядок. Оставалось одно — отречение. И Николай II, помазанник Божий и «Хозяин Земли Русской», не сделав ни малейшей попытки удержать престол действием личного мужества, с необыкновенной легкостью подписал отречение от престола.

Так в судьбоносный для России час беспокойство Николая Александровича Романова за свою семью снова пересилило чувство ответственности государя за свою империю.

Николай I, венценосный тезка царя и его прадед, в сходной ситуации рассуждал и действовал иначе. В роковой для России день 14 декабря 1825 года Николай Павлович сумел найти единственно верное решение, переломившее ситуацию и позво-

- Простые солдаты любили своего императора.

Я хотел бы иметь гарантию, что вследствие моего ухода и по поводу его не было бы пролито ещё лишней крови

- Николай II и цесаревич Алексей в окрестностях Могилева. 1916 год.

лившее избежать Смуты. «...Я видел, что или должно мне взять на себя пролить кровь некоторых и спасти почти наверно все; или, пощадив себя, жертвовать решительно государством»¹⁰.

Николай II не боялся пасть на ступенях трона, но больше всего на свете страшился пролития крови соотечественников: «Я хотел бы иметь гарантию, что вследствие моего ухода и по поводу его не было бы пролито ещё лишней крови».

Снять войска с фронта и бросить их против восставших означало, по мнению и Николая, и командующих фронтами, развалить фронт, с позором закончить войну и в конечном счете превратить страну в развалины. В день своего отречения, 2 марта 1917 года, Николай II приказал вернуть войска, направленные к Петрограду с Западного фронта, и отменить посылку войск с Юго-Западного фронта.

Николай Александрович Романов отказался от насильственного усмирения начавшейся революции и отрекся от престола, желая уклониться от пролития крови. Но, осознанно приняв это решение, он так и не сумел избежать ни пролития крови, ни Смуты и развала армии и страны, ни собственной гибели и трагической смерти всей своей семьи. Страстная любовь, соединившая Николая и Александру, любовь, которую они пронесли до своего смертного часа, из величайшего жизненного блага для монаршей четы по воле жестокосердного Рока превратилась в величайшее зло для России.

Царский поезд был остановлен на станции с почти мистическим названием «Дно».

● Первая фотография с великой княжной Ольгой. Император Николай II, великая княжна Ольга, императрица Александра Федоровна. Май 1896 года.

¹ Дневники императора Николая II. 1894–1918. Т.1. 1894–1904 / Отв. ред. С.В. Мироненко. М. 2011.; Дневники императора Николая II. 1894–1918. Т.2. Ч. 1. 1905–1913 / Отв. ред. С.В. Мироненко. М. 2013.; Дневники императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. Ч. 2. 1914–1918 / Отв. ред. С.В. Мироненко. М.

² Игнатъев А.А. Пятьдесят лет в строю. Т. 1. М. 1959. С. 71.

³ Там же. С. 71–72.

⁴ Половцов А.А. Дневник. 1893–1909. СПб. 2014. С. 99.

⁵ Александр Михайлович, великий князь. Воспоминания. М. 1993. С. 184.

⁶ Родзянко М.В. Крушение империи // Гибель монархии. М. 2000. С. 102.

⁷ Цит. по: Разгон Л.Э. Рощаковский // <http://readr.ru/lev-razgon-roschakovskiy.html?page=4#ixzz3NHvxhe00>

⁸ Гибель монархии. С. 466.

⁹ Николай Михайлович, великий князь. Записки // Гибель монархии. С. 71.

¹⁰ Записки Николая I // Николай I. Муж. Отец. Император. М. 2000. С. 62.